

чается не только в отношении теории и практики, а в единстве и качестве теории и практики. Специфическая особенность педагогики – ее практико-ориентированная направленность, выявление закономерностей во взаимодействии целей, средств и результатов воспитания и обучения. В «рассогласованности» целей, практических средств и результатов А. С. Макаренко видел коренной недостаток современной ему школы и педагогики. «Логика педагогической целесообразности» – одно из методологических оснований наследия А. С. Макаренко, которое «высвечивает» противоречие между динамичным, прогрессивным обновлением специфических целей воспитания и консервативностью его средств, показателей результативности не только в истории отечественной школы. Потенциал этого методологического подхода актуален и для современных попыток создания эффективной системы гражданского воспитания, отвечающей современным требованиям.

**Е. Г. Пепелышева,
Н. Г. Савникова**

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТИ А. С. МАКАРЕНКО НА ГРАЖДАНСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ВОСПИТАННИКОВ

В своей педагогической деятельности А. С. Макаренко ставил во главу угла гражданское формирование воспитанников. Он считал, что если у ребенка не будут сформированы основные гражданские качества, то это станет потерей не только для него самого, но и для государства в целом.

Дети, которые попадали в его колонию, гражданскими качествами не отличались. В «Педагогической поэме» Антон Семенович писал: «Жлопцы наши представляли в среднем комбинирование очень ярких черт характера с очень узким культурным состоянием. Как раз таких и старались присылать в нашу колонию, специально предназначенную для трудновоспитуемых. Подавляющее большинство их было малограмотно, почти все привыкли к грязи и вшам, по отношению к другим людям у них выработалась постоянная защитно-угрожающая поза примитивного героизма» [5, с. 59]. Среди этих детей было немало преступников, но Макаренко видел в них прежде всего людей, попавших в беду и нуждающихся в помощи.

С первых дней существования колонии он ставил перед собой сложнейшие для тех условий задачи: «воспитание боевого, активного, жизнен-

ного характера», человека, который «должен иметь чувство долга и понятие чести, ощущать свои обязательства перед обществом, должен уметь подчиняться товарищу и приказывать ему быть вежливым, суровым, добрым в зависимости от условий жизни». Макаренко писал: «Он должен быть активным организатором; быть настойчив и закален, уметь владеть собой и влиять на других. Он должен быть веселым, бодрым, подтянутым, способным бороться и строить, способным жить и любить жизнь, он должен быть счастлив. И таким он должен быть не только в будущем, но и в каждый свой нынешний день» [4, с. 73]. Это задачи именно гражданского воспитания. Таким видел педагог человека нового общества, его достойного гражданина, и таким был он сам. Со страниц произведений А. С. Макаренко и воспоминаний о нем на нас смотрит человек, для которого долг и честь в жизни были превыше всего. Суровый и добрый, всегда бодрый и подтянутый, способный бороться и строить, жить и любить жизнь. Каждая из задач в его программе формирования человеческого характера «опробована» прежде всего на его собственной личности. Он создал себя как человека и педагога по той же программе.

У К. Д. Ушинского есть замечательные слова о том, что «только личность может действовать на развитие и определение личности, только характером можно образовать характер» [6, с. 265]. Главный секрет удивительного влияния А. С. Макаренко на его воспитанников связан именно с его характером. «Человек, в котором нуждалась Русь...» – так говорил о нем М. Горький [цит. по: 3, с. 3]. Эти слова необычайно точно отражают гражданственность характера педагога, выбравшего для себя сложнейшую миссию.

В очерке «По Союзу Советов» М. Горький пишет о Макаренко: «Он – суровый по внешности, малословный человек лет за сорок, с большим носом, с умными и зоркими глазами, он похож на военного и на сельского учителя из “идейных”. Говорит хрипло сорванным или простуженным голосом, движется медленно и всюду поспевает. Все видит, знает каждого колониста, характеризует его пятью словами и так, как будто делает моментальный фотографический снимок с его характера. У него, видимо, развита потребность мимоходом, незаметно, приласкать малыша, сказать каждому из них ласковое слово, улыбнуться, погладить по стриженной голове» [цит. по: 3, с. 3]. «Суровый по внешности», с потребностью каждого одарить своим теплом, – в этом суть педагога, заменившего сотням детей их настоящих родителей.

Интересен тот факт, что большинство колонистов не были круглыми сиротами. «В первые годы, – рассказывает А. С. Макаренко, – мы почти не получали квалифицированных беспризорных, привыкших к бродяжничеству на улице. Большею частью наши ребята были детьми из семьи, только недавно порвавшими с нею связь» [5, с. 58]. Но чаще всего это были уголовные семьи или семьи, «ослабевшие во время войны». Социальное сиротство того времени – это «следствие смертей, эвакуаций, экзекуций, передвижений», которое напрямую связано с появлением «новых продуктов разложения», презирающих всякую собственность, живущих «в пренебрежении к жизни и человеческой личности, к чистоте, порядку, закону» [5, с. 58]. Какой же силы характер надо было иметь и какое сердце, чтобы взять на себя такую ношу! А еще нужна была огромная ответственность за будущее этих «продуктов разложения», многократно помноженная на уважение к человеку.

В литературе часто встречаются слова о беспредельной любви Макаренко к детям. Однако, на наш взгляд, вернее было бы говорить о беспредельной гражданской ответственности педагога за судьбы детей. Эта ответственность заставляла его забывать о себе и своих проблемах. Именно она была фундаментом и главной движущей силой всех его действий.

С. А. Калабалин вспоминал, как в феврале 1921 г. все воспитанники заболели тифом, а Антон Семенович пилил дрова, помогал готовить пищу, по вечерам развлекал больных чтением, рассказами и мечтами. «Когда все здоровые расходились, Антон Семенович подходил к каждому, кого ободрит словами, кому улыбнется, на ком поправит одеяло, а к отдельным, застывшим в тифозном беспамьятстве, ложился, чтобы своим телом отогреть... С ним же мы возили наших тифозников в полтавские тифозные бараки, решительно требовали от врачей обязательного излечения. Антон Семенович был уверен, что ни один колонист не умрет. И мы были уверены, что выздоровят все только потому, что так хотел Антон Семенович. Как он сам не заболел – просто чудо» [3, с. 185].

На основе гражданской ответственности во взаимодействии с детьми у педагога рождаются чувство отцовской нежности к каждому колонисту, желание заботиться о каждом, отдавая при этом часть души своей, своего сердца. Возможно, все это в совокупности и складывается в такое чувство, как любовь. И на это чувство, по воспоминаниям бывших воспитанников, не могли не отзываться даже самые равнодушные.

«Нам хотелось хотя чем-нибудь быть похожими на него: голосом, почерком, походкой, отношением к труду, шуткой, – вспоминал С. Калабалин, – любили мы его настолько ревниво, что не допускали даже его права, допустим, на женитьбу. Мы готовы были считать это изменой. Каждый из нас имел право на сыновьи чувства к нему, ждал отцовской заботы, требовательной любви от него и изумительно умно ими одаривался» [цит. по: 3, с. 33].

Воспитанники мало верили словам. Только собственный пример мог повлиять на сознание колониста. И этот пример был перед их глазами ежедневно, ежечасно. Он трудился вместе с ними, он учил их в классе, говорил с ними о первой любви, ездил с ними отдыхать и составлял планы на каждый «завтрашний день»; он заменял на свадьбе отца. Его присутствие всегда наполняло сердца колонистов необычайной радостью. «Что творилось со мной!.. Воздух звенел серебром и, казалось, вливался в сердце», – писал Семен Калабалин, вспоминая как Антон Семенович поехал вместе с ним на свадьбу к его брату [цит. по: 3, с. 33].

Со страниц своих книг, по воспоминаниям и характеристикам воспитанников и сотрудников А. С. Макаренко предстает перед нами человеком суровым, сдержанным, замкнутым и очень требовательным. Жизнерадостный, полный кипучей энергии, подтянутый, бодрый – таким его всегда видели воспитанники. Противники называли его солдафоном. Но за суровой внешностью скрывалась нежная любящая душа человека-романтика, о чем красноречиво говорят его письма к жене. «Когда в какую-нибудь тяжелую минуту я обращаюсь к океану нашего чувства, – писал он ей, – для меня не существует уже ничего тяжелого, ничего страшного, ничего горестного. Так прекрасно высоко тогда стоять на ветру, знаете, когда треплются полы, свистит в ушах и захватывает дыхание. И ничего не нужно, кроме этой прекрасной чистой бури, и даже прекрасно, что кругом только небо и дали» [цит. по: 3, с. 87].

Макаренко – живой человек со своими страданиями, горечью и одиночеством, но все это было спрятано глубоко в душе, а в общении со своими воспитанниками и коллегами Антон Семенович предстал деятельным, живым, остроумным человеком. Находчивость и выдумки его поражали подчас всех, а шутки его были понятны даже самому маленькому. И каждому хотелось быть похожим на него уже не только походкой, голосом или почерком, а самой манерой жить, работать, выполнять свой гражданский долг.

Воспитание гражданских качеств у своих воспитанников неразрывно связано у Макаренко с воспитанием воли, мужества, сознания долга и ответственности, умения реально оценивать трудности и преодолевать их. Макаренко никогда не смог бы воспитать все эти качества у своих подопечных, если бы не обладал ими сам. Без воли, мужества, чувства долга и ответственности ему не удалось бы превратить колонию из «воровского притона» в колонию, гордо носящую имя А. М. Горького.

В педагогике сегодня принято множество воспитательных средств и приемов, которыми широко пользовался А. С. Макаренко. Но в воспоминаниях его воспитанников отмечаются, как правило, не педагогические средства и приемы, а личностные качества педагога, под воздействием которых формировались их характеры. «Антон Семенович не применял каких-то особых мер, он всегда оставался самим собой и влиял на нас своим человеческим достоинством, человеческой прелестью, любовью к детям и прежде всего громадной требовательностью» [1, с. 170]. Он имел удивительную особенность заражать детей своей личностью, своими пристрастиями: к работе, порядку, дисциплине, чистоте, точности, знаниям, к театру, литературе, потому что эти пристрастия были настоящими, искренними и глубокими. Показательным в этом плане является пример с «Евгением Онегиным», когда педагог обнаружил, что даже коммунары, являющиеся поклонниками А. С. Пушкина, знают не более 15–20 строк из этого произведения. С тех пор коммуна жила в атмосфере пушкинских стихов, музыки Глинки и Чайковского. Сам педагог наизусть читал детям главы из «Евгения Онегина». В результате «тот самый Ваня Гостев, который так не хотел идти во второй раз слушать “Онегина”, теперь сидел, боясь пошевелиться, боясь пропустить хоть что-нибудь из этой прекрасной оперы. Это Антон Семенович помог ему глубоко понять и стихи Пушкина, и музыку Чайковского» [3, с. 65].

Под влиянием личности любимого педагога эти дети – недавние «продукты разложения» – стремились к образованию, поступали на работу, в институты, становились культурными и образованными людьми.

Сам Макаренко вспоминал в «Педагогической поэме»: «Мои горьковцы выросли, разбежались по всему советскому свету... Никак не поймешь инженера Задорова, зарывшегося в одной из грандиозных строек Туркменистана, не вызовешь на свидание врача Особой Дальневосточной Вершнева или врача в Ярославле Буруна» [5, с. 666]. А Семен Карабанов

(Калабанин) пошел по стопам своего учителя и всю свою жизнь посвятил продолжению его святого дела.

Влияние А. С. Макаренко на воспитанников продолжалось и после их ухода из колонии или коммуны. Об этом красноречиво говорят их воспоминания. На похоронах Антона Семеновича один из бывших воспитанников сказал об этом так: «Уже после выхода из коммуны, когда я перечитывал страницы “Педагогической поэмы”, его слова продолжали корректировать мои поступки, мою жизнь... Он требовал неукоснительного выполнения его распоряжений, но он и глубоко верил в каждого из нас. Он умел найти и раскрыть в человеке самое лучшее, что есть в нем. Он был великий гуманист» [цит. по: 3, с. 90].

В 2004 г. вышла в свет замечательная книга Светланы Гладыш «Дети большой беды», посвященная людям, многие годы спасавшим детей от страшной участи беспризорности, этой голгофы детства. Книга открывает новые имена, новые факты о нашем недавнем прошлом, извлеченные из архивных материалов. Это удивительная по своей человечности книга. В ней много места отводится А. С. Макаренко; есть глава «Дети Макаренко», которая начинается его словами: «Если говорить о коммунарах как о будущих членах нашего общества, то я ручаюсь за их первосортность» [2, с. 211]. С. Гладыш приводит данные из книги Л. Чубарова «Макаренковцы», который утверждает: «Ни один из воспитанников Макаренко не попал в тюрьму, ни один не стал полицаем в годы оккупации Украины немцами. И наконец – нет среди них ни просто труса, ни подлеца» [цит. по: 2, с. 211]. В книге «Дети большой беды» приводится и ряд биографий бывших колонистов и коммунаров, с которыми работал А. С. Макаренко. В этих биографиях как бы сконцентрировалось все лучшее, что он когда-то отдал детям. И это лучшее продолжается в макаренковском поколении нынешних лет, которое живет, действует и сегодня продолжает традиции великого педагога.

Библиографический список

1. *А. С. Макаренко* [Текст]: К 75-летию со дня рождения. М., 1963.
2. *Гладыш С. Д.* Дети большой беды [Текст] / С. Д. Гладыш. М., 2004.
3. *Кроль Т. Г.* А. С. Макаренко [Текст]: биография / Т. Г. Кроль. М.; Л., 1964.
4. *Макаренко А. С.* О воспитании [Текст] / А. С. Макаренко; сост. и авт. вступ. ст. В. С. Хелемендик. М., 1988.

5. *Макаренко А. С.* Педагогическая поэма [Текст] / А. С. Макаренко; сост., вступ. ст., примеч., коммент. С. Невской. М., 2003.

6. *Ушинский К. Д.* Избранные педагогические произведения [Текст] / К. Д. Ушинский. М., 1968.

**М. А. Цветков,
Н. Г. Санникова**

**ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ
ВОСПИТАННИКОВ СРЕДСТВАМИ ФИЗИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ В «ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ»
А. С. МАКАРЕНКО**

Всем нам знакома замечательная русская пословица «В здоровом теле – здоровый дух». А что такое здоровый дух с позиций гражданственности? На наш взгляд, это такое состояние человека, когда ему хочется полноценно жить и работать, делать добро людям и улучшать жизнь, наполняя ее какими-то прекрасными моментами.

Об А. С. Макаренко мы знаем как о педагоге, который внес вклад в разработку самых разных воспитательных направлений в педагогике: трудового, эстетического, индивидуального, коллективного, причем каждое комментируется исследователями как главное в его педагогическом творчестве. Но, читая произведения А. С. Макаренко, невольно проникаешься мыслью, что именно физическое воспитание он ставил на первое место в своей работе. Судите сами, вот его слова: «Какое бы значение мы ни придавали производству и школе, на первом месте должна быть задача – выпустить здоровое поколение. Нам нужны здоровые производственники и строители, а слабые, неврастенические люди испортили бы наше дело» [1, с. 149].

Во всяком случае в своей теории и практике А. С. Макаренко придавал огромное значение всему, что укрепляло духовное и физическое здоровье его воспитанников. И не коснуться сегодня этой темы просто невозможно.

Здесь важно все, начиная с работы санкомиссии, которая тщательно следила за чистотой помещений, самих воспитанников, за приготовлением пищи и сменой белья. Здесь огромную роль играет воспитатель, который